- «Ну, как? Уже можно?».
- «Мы скажем, когда будет можно, господин Раг!».
Откинувшись на подушки, я выдохнула, прижимая к себе свое новое сокровище, и закрыла глаза. Толку от них больше не было, но теперь я хотя бы понимала, ради чего я старалась и жертвовала – зрением, силами и, наверное, в какой-то мере, даже маленькими кусочками сиюминутных удовольствий, которые большая часть пони почитает за некое «счастье».
Однако теперь я считала себя обособленной от этого большинства.

В Понивилле мы оказались, в общем-то, случайно, благодаря нашим доблестным братьям, влекущим на себе здоровенную воздушную повозку, без зазрения совести «реквизированную» Графитом под нужды Ночной Стражи у пролетавших мимо бизнеспони. Те были настолько любезны, что даже не стали качать права и предпочли быстро и тихо уйти в сторону Мейнхеттена на своих четырех, оглядываясь очень большими и круглыми глазами на мою окровавленную тушку, возлежащую на щите, словно древний конунг. Свита мужа, бросив обыскивать разгромленный двор и горячий, все еще пышущий пламенем кратер, оставшийся на месте уничтоженного подземного комплекса, споро впряглась в постромки, быстро рванув в сторону Кантерлота. Но, как и все жеребцы, стражи обладали достаточно чуткой и ранимой душевной организацией, и стоило этим мышекрылым охламонам услышать волнующее слово «роды», как мы тотчас же сбились с курса, залетели в облачный фронт, промокли до нитки под ледяным дождем, затопившим наш богатый, но, увы, не приспособленный для дальних перемещений экипаж, и в довесок – снижаясь, столкнулись с целой стаей каких-то птиц, непонятно как и зачем, оказавшихся в ночном небе. Кое-как выровнявшись, мы продолжали полет, но мое настроение оказалось окончательно испорченным. Конечно, теперь я была относительно чиста и напоена на несколько лет вперед, но сидеть на мокрых, окровавленных, хлюпающих диванах было выше моих сил. Вдобавок мой охламон, испуганный не менее своих подчиненных, развил бурную и абсолютно бестолковую деятельность, и каждый раз, когда наша коляска проносилась мимо небольших деревенек или даже отдельно стоящих домов, нырял в подсвеченную светом окон темноту, возвращаясь ко мне с абсолютно бесполезными вещами, срочно изъятыми у населения «на неотложные нужды трона».
- «Ты что, совсем обалдел, придурок?!» - вне себя от бешенства, орала я на супруга, в очередной раз зачем-то припершего с собой котелок, полный горячей воды – «Ты что тут, суп варить собрался, идиота кусок?! Неси, откуда принес, имбецил стероидныыыыыыыхххххх! Ааууууууу!».
- «Я слышал, при этом всегда нужна горячая вода…» - оправдывался Графит, отшвыривая прочь оказавшийся бесполезным предмет, с шипением улетевший в ночную темноту – «Эй, зелень! Быстрее! Быстрее, а то крылья оторву!».
Вот это «быстрее» нас и подвело. Озабоченная странными процессами, зародившимися в моем животе, я была далека от того, чтобы контролировать еще и телодвижения, совершаемые окружавшими меня жеребцами, и в результате мы буквально рухнули на главную площадь Понивилля, едва не врезавшись в розовую статую гарцующей на шаре

земнопони, укоризненно глядевшую на нас своими каменными глазами. Хорошо, что наш дом находился недалеко от этого места, буквально на соседней улице, и вскоре я оказалась в любящих объятьях родственников, буквально сходящих с ума от беспокойства. Как оказалось, мое похищение было уже у всех на слуху, и если прочие пони не слишком-то и обратили внимание на то, что газеты уже окрестили «очередной нетрезвой выходкой печально известной кобылки С.Р.», с гораздо большим интересом обсуждая предстоящую церемонию, на которой будет провозглашен новый член королевской семьи, то мои родственники буквально сидели на иголках, ожидая хоть каких-нибудь известий от моего мужа или принцесс. Поэтому вид моей мокрой, помятой тушки, пачкающей пол капающим из враз нагрубевшего вымени молозивом[1], был для них довольно сомнительным сюрпризом. К счастью, все разрешилось достаточно быстро – в конце концов, несмотря на появление в клубе паникующих джентельпони нового члена, по старой, и, несомненно, очень доброй традиции тотчас же рванувшего на кухню (угадайте, зачем?!), среди моих родных, ну совершенно случайно, затесались целых два врача, и уже буквально через десять минут я была доставлена в понивилльский госпиталь, где спешно разбуженная медсестра Редхарт, покачивая головой, быстро заполняла лист первичного осмотра[2].

Как выяснилось, неприятные ощущения, терзавшие мою многострадальную поясницу, были сущей ерундой по сравнению с начавшимися схватками. Вначале короткие, по несколько секунд, они ощущались как непроизвольные подергивания враз окаменевшего живота и были почти незаметны на фоне творившегося в воздухе бедлама, но уже в тиши стационара я ощутила на себе всю прелесть этих ощущений, рожденных подготовительными процессами, протекавшими в моем организме. Осматривавшая меня медсестра Тендерхарт огорошила меня заявлением о том, что это лишь цветочки, и мне придется подождать еще несколько часов, пока мое пузо, целых тринадцать месяцев только и делавшее, что лопавшее да доводившее меня своими размерами и придирками, наконец, соизволит раскачаться и приступить уже к самому важному делу в жизни любой кобылы.

К родам.

Конечно, лишь спустя какое-то время я осознала, как важно для меня было присутствие рядом любимого существа, поддерживающего меня в это ответственное и волнующее время. Сидевший в палате Графит взволнованно поглаживал меня по спине и только взволнованно кивал, периодически принимаясь метаться вслед за мной из угла в угол. Несмотря на советы сестры, ушедшей подготавливать для меня родовую, я не могла усидеть, и то начинала ворошить приготовленную для меня кровать, взбираясь на нее всеми четырьмя ногами и разгребая заботливо уложенные Грасс простыни, словно соломенную подстилку; то, бросив это дело, вновь начинала ходить от стены к стене, сердито сопя и глядя на окружающих круглыми и очень испуганными глазами. «Глядя на

---

[1] Молозиво – секрет (выделения) молочных желез млекопитающих, появляющийся перед родами, и содержащий белки-активаторы иммунитета для новорожденного.

[2] В американском здравоохранении довольно интересное разделение обязанностей среди сотрудников госпиталей, и одним из ключевых персонажей там является главная медицинская сестра отделения, которой подчинены даже врачи-интерны.

тебя, мне уже самому хочется родить» - прокомментировал данную ситуацию муж, за что удостоился двойного подзатыльника, от Бабули и Грасс, с беспокойством следивших за моим поведением. И если первая была эдаким добродушным островком спокойствия, шутившим с периодически заглядывавшим к нам доктором Стэйблом, то моя средняя сестра отчего-то решила включить режим мегеры и злобно шпыняла присевшего в уголке Графита, наконец сообразившего, что его присутствие лишь раздражает беспокойно бегающих по палате кобыл. Однако их короткие перепалки мне помогали, позволяя отвлечься от чувства страха, поднимавшегося откуда-то из глубины души, и только когда перед моими глазами предстала покрытая простынями каталка, на которой я должна была отправиться в малую операционную, спешно переделанную для этих целей в индивидуальный родблок, я наконец-то расплакалась, внезапно ощутив, кто все это время нагонял на меня этот непонятный, иррациональный страх.

Древний! Древний, Старый Дух – это все время был он, своими фантазиями и страхами нагоняя на меня те самые волны ужаса, о происхождении которых я не догадывалась до самого последнего момента. Лишь ложась на железную тележку, поскрипывавшую под свисавшими до пола плотными белыми простынями, я тихо заплакала, внезапно ощутив на загривке такую знакомую, такую желанную бесплотную руку, прижимавшую меня к невидимой груди. Мне захотелось заорать, вскочить и закружиться от странного облегчения, густо замешанного на непонятной обиде и желании настучать по репе этому древнему существу. Жеребцы, мужчины – все они были одинаковыми, и все они до колик и медвежьей болезни боялись предстоящего мне испытания, и осознание этого подействовало на меня если не умиротворяюще (попробуйте-ка побыть умиротворенной, когда ваш живот пытается слиться с вашей спиной!), то хотя бы подняло мне настроение настолько, чтобы вспомнить о приличиях и помахать сунувшимся ко мне родным, отправляясь на самый важный свой бой.

- «Анестезию?» - я отрицательно покачала головой. Я все должна была сделать сама. Не для этого ли меня выращивали милые принцессы? Хотя, вспоминая выражение их морд в тот миг, когда царственные сестры узнали о будущем прибавлении в их государстве пятнистых кобыл, вряд ли можно было бы назвать счастливыми или хотя бы вдохновленными. Нужно будет… Оххххх!

- «Милая, дыши! Дыши!» - протиснувшись вслед за мной в родблок, Графит свирепо щелкнул зубастой пастью на возмущенно зашипевшую на него Тендерхарт, и, присев рядом с каталкой, сам, без чьей-либо помощи, переложил меня на короткий и высокий стол, снабженный упорами для ног и забавной вырезкой у его края, под которой притаилась дополнительная выдвижная столешница – «Дыши, слышишь?! Уффф-фффуууу! Уффф-фффуууу!».

- «Милый, выйди!» - скомандовала я, ощущая, что легкие подергивания наконец сменились долгими, тянущими болями. Напрягшийся живот казался огромным камнем, отчего-то решившим покинуть приютившее его тело. Получив пару часов назад под хвост основательно прочистивший меня катетер, я сомневалась, что смогу теперь справиться с обуреваемым чем-то недобрым пузом, казалось, живущим теперь своей собственной жизнью. Увы, теперь мы с ним были в разных весовых категориях, и преимущество было явно не на моей стороне – «Я справлюсь… Самммммммм…. Сама!».

- «Нет, я должен быть с тобой! Все известные специалисты…».
- «Я СКАЗАЛА – ВООООООООООООН!» - не сдержавшись, завопила я, стараясь не расплакаться от боли. Вот теперь стало по-настоящему больно, и мои ноги, свисавшие с края стола, непроизвольно дернулись, поджимая копыта, упиравшиеся во что-то мягкое и явно не мое... Пытавшийся было протестовать жеребец, опрометчиво подошедший как раз с этого края акушерского стола, вдруг охнул и, выгнув спину, точно испуганная кошка, тихонько просеменил к двери, выпучив глаза и хватая воздух широко открытым ртом, удостаиваясь насмешливого шепотка, пронесшегося по родблоку. Лежа на боку, я сжалась, пережидая очередную потугу, и впившись зубами в угол заботливо подложенной мне под голову подушки, испустила приглушенный тканью вопль. Кажется, начиналось самое тяжелое, и я нашла время, чтобы благодарно кивнуть Грасс, подошедшей ко мне с полотенцем, которым она принялась вытирать мое мгновенно взмокшее тело.
- «Так, Скраппи, шутки кончились. Теперь давай постараемся и родим уже на свет нашу проказницу или сорванца. Главное, не пугайся и делай все так, как скажет тебе доктор Стэйбл. Хорошо? Вот и отлично. А теперь – давай-ка потужимся… И еще… И еще…».
Что ж, теперь все зависело только от них – от пони, что окружали меня со всех сторон. Одетые в белоснежные робы, закрывавшие их от ушей до хвоста, врачи и медсестры, неистребимый запах антисептика и тихо пиликающий что-то прибор – все отошло на задний план. Осталась лишь я, да титанический труд, который мне предстояло проделать под руководством сестры, заботливо возившей мне по телу мгновенно промокшим, остро пахнущим конским потом полотенцем.
Сами роды я запомнила лишь обрывками. Туман постепенно заволакивал мне глаза молочной пеленой, в которой быстро терялись окружающие предметы, и только спокойный, сосредоточенный голос Кег не позволял мне сойти с ума от тяжелой, приступообразной боли, поселившейся в моем тазу. Казалось, что мне под хвост забивают огромное бревно, раздвигающее мои задние ноги и расшатывающее кости таза. Под конец, когда давление стало почти невыносимым, я вновь вцепилась зубами в подушку и громко, позорно разрыдалась, за что тут же поплатилась нахлынувшим ощущением надвинувшегося удушья. Лишь после обидного шлепка полотенцем по крупу, доставшегося мне от прикрикнувшей на меня Кег, я постаралась собраться и вновь принялась тужиться, старательно изображая из себя вакуумный насос, со свистом всасывая в себя порции воздуха в перерывах между потугами. В какой-то момент, мне показалось, что что-то внутри меня оборвалось, я дико вскрикнула… Но вслед за этим, до моих ушей донесся громкий, звонкий свист, почти заглушивший радостно вскрикнувшую что-то сестру. Свист повторился, затем нарос, становясь почти невыносимым, словно в родблоке включился терзающий уши, паровозный свисток. Наверное, это был какой-то сигнал от пиликающего неподалеку прибора, но сколько бы я не оглядывалась, сколько бы ни моргала глазами, белая пелена не отступала, оставляя меня недоумевать, почему крутившиеся вокруг медсестры не выключат эту, терзающую мои уши, ерунду. Неужели я так громко кричала, что они были рады слышать этот свист, порой, выходящий за грань возможного, превращаясь в натуральный ультразвук? Откинув голову на влажную и пахучую от впитавшегося в нее пота подушку, я была рада хотя бы небольшой возможности отдохнуть от боли. Живот притих, но в глубине его все еще сохранялось

какое-то напряжение…
- «Скраппи, ты молодец. Ты просто молодец!» - ободряюще прошептал мне на ухо голос сестры. Кажется, Кег была и вправду взволнованна, но в ее радостном голосе мне вдруг послышалась какая-то напряженность, насторожившая меня даже больше, чем разливающийся соловьиным свистом прибор – «Теперь отдохни немного, отдохни. Тебе еще понадобятся силы».
- «Все уже закончилось?».
- «Ну… Почти. Ты молодец, жеребенок родился. Сейчас его осмотрят, проведут первичную обработку… Ну, ты же знаешь – очистка дыхательных путей, мытье, измерения, капельки в нос и в глаза. Все, как положено. А потом… Потом нам с тобой придется постараться – и сосредоточившись, родить еще одного».
- «Чи… ЧИВО?!».
- «Поздравляю, Скраппи. У тебя, оказывается, двойня!» - я почти ощущала, как Кег улыбается под своей маской. Весело ей было, видите ли! А раньше что, нельзя об этом было сказать?! Вон, вон из профессии! Прогнать, батогами[3]! Порвать диплом! Лишить… Лишить… Ойййй!
- «Когда закончите там радоваться – попроси врача обратить на меня внимание, ладно?!» - провыла я, ощущая, что что-то большое, вновь начало буйствовать у меня в животе – «Я тут опять рожаю, vashu mat, если вы еще там не заметили! И вырубите, наконец, этот хренов прибор! От его свиста у меня голова разболелась!».
- «Эммм… А это не… Ладно, это подождет» - протрезвевшим голосом откликнулась Кег, сместившись куда-то назад, к моему раскоряченному на акушерском столе крупу – «Стэйбл, прошу вас, к столу. Тендерхарт, она немного порвалась[4], поэтому нам понадобится капельница. Нет-нет, иголок не нужно, используйте эти новые канюли, которые я привезла из «Крылатых Целителей». Все-таки, они были изобретены после того, как моя сестра согласилась предоставить себя для исследований, так что она вполне достойна того, чтобы стать испытателем этих устройств».
- «Кег…».
- «Да, Скраппи?».
- «Я уже говорила, как я вас всех… Нннннннгггггхххххх… всех ненавижу?».
- «Ты уже доказывала это делом. А теперь, пожалуйста, сосредоточься – жеребенок уже на подходе. Так, а теперь – тужься. И еще… И еще… Вот, вот, молодец».

***

«Роды, произошедшие в госпитале – экая невидаль! Ну, пошумели. Ну, перебудили народ. Но ничего же не разломали, не считая коляски и пары кустов! Пегасы постоянно что-нибудь ломают в городке, считая столкновение с каким-нибудь препятствием самой эффективной формой торможения, так отчего же тогда такой бедлам вокруг меня?» - с неудовольствием думала я, ощущая скользящие по влажной шкурке лучи

[3] Батоги - палки для телесных наказаний.
[4] Врачебный жаргонизм, означающий, что у рожающей произошел разрыв слизистых оболочек родовых путей, травмировавшихся в родах проходящим по ним плодом.

восходящего солнца. Слепота медленно проходила, и хотя до привычной остроты зрения мне было еще далеко, по крайней мере, теперь мне недоставало глупости, чтобы спутать своих жеребят с каким-то там верещащим прибором. Роды прошли вполне обыденно, на взгляд доктора Стэйбла и его медсестер, и, поднапрягшись, к утру, я родила очаровательную двойню, двух замечательных близнецов[5], теперь, пищавших в моих объятьях. Отмучавшись, я вновь расплакалась, но теперь уже от облегчения, и, получив под крыло два тихонько свистящих комочка, отправилась в палату, почему-то – в окружении всего персонала госпиталя, шуршащего халатами вокруг поскрипывающей каталки. Не прошло и пары часов, как под окнами старого особняка, в котором находилось единственное в окрестностях медучреждение, громко и чисто пропел гвардейский рожок, призывая соскакивающих с боевых колесниц земнопони и единорогов занимать свои посты. Вскоре, госпиталь был окружен, словно в нем поселилась чума, и на каждом этаже стояли вооруженные пони, внимательно рассматривая окружающих из-под сияющих золотом шлемов. Набычившийся Графит, которого пока так и не пустили в палату, кажется, слегка обиделся, и вот теперь, я с неудовольствием смотрела, как из теней, скопившихся под стоящей напротив кроватью, медленно выползает чье-то темное тело. Выковырявшись на свет, страж уже открыл было рот для какого-то комментария, но быстро захлопнул его и смотался за дверь, едва успев увернуться от метко брошенного мной судна, судя по звуку, все же настигнувшего в коридоре кого-то из обитающих там гвардейцев.

- «Нет, ну это hren знает что такое!» - выругалась я, злобно глядя на закрывшуюся дверь. С момента прибытия Гвардии, госпиталь превратился в настоящий дурдом, дополненный шныряющими туда и сюда, мышекрылыми тенями, а уж после известия о том, что вскоре, сонный городишко собирается почтить своим животворным присутствием королевский дуэт, градус неадекватности подскочил едва ли не вдвое. Наконец, озлившись, я наваляла сунувшемуся под кровать сержанту стоявшим на столике судном, и, несмотря на оправдания держащегося за голову, белого жеребца о необходимости тщательной проверки помещений, строго-настрого запретила кому-либо появляться в моей палате. Но кажется, они уже были о чем-то таком предупреждены, поскольку любой, появлявшийся в моей палате пони, считал за лучшее смотреть куда угодно, но только не на кровать, где, под теплым материнским крылом, посапывало два серых комочка.

Два настоящих, *истинных* фестрала, впервые почтивших этот мир спустя без малого, тысячу лет.

- «Скраппи…» - наконец, я разрешила Графиту войти в мое царство распашонок, пеленальных столов и неистребимого запаха молока. Теплый, сладковатый, с пикантной кислинкой, он пропитал комнату буквально за несколько часов, и теперь, мне казалось, что я плаваю в этом замечательном, теплом запахе, так забавлявшем прочих пони. Войдя, муж робко остановился у порога, словно не решаясь подойти ко мне ближе – «Скраппс… Все хорошо? Все уже закончилось? Как все прошло? Он в порядке? Или это она?».

---

[5] Близнецы – дети одной матери, от одной беременности, родившиеся одновременно. Бывают идентичными (похожими друг на друга), полярными (похожими, но разного пола), и непохожими (гетерозиготные).

- «А ты сам посмотри» - улыбнувшись, я поманила супруга к себе, и когда тот опустился рядом с кроватью, предъявила ему два серых комочка, недовольно захныкавших во сне. Вытаращенными глазами пегас уставился на тех, к чьему появлению на свет он приложил так много усилий, и, замерев, с донельзя испуганным видом, переводил взгляд то на меня, то на миниатюрных, покрытых мягким, серым волосом, мышекрылых жеребят – «Ну как? Тот, что справа – это жеребец. Он меньше, потому что родился вторым. Слева – кобылка. Ну, думаю, с ней все понятно – лезла вперед, распихивая всех локтями… В фигуральном смысле, конечно. Ох, и намучалась я с ней! С сыном было легче – все-таки джентелькольт, как и его папка. Ну что, доволен ли мой господин?».
- «Скраппи…» - кажется, кто-то собрался грохнуться в обморок – «Этого не может… Скраппи! Милая! Неужели я сплю?!».
- «Нет, мой хороший. Это не сон» - смаргивая навернувшиеся на глаза слезы, я прижала к себе голову зашмыгавшего носом мужа, крепко обнявшего мою тушку, развалившуюся на удобной и мягкой кровати – «Ну-ну, что ты так расстроился?».
- «Это… От счастья…» - сдавленным голосом пробасил супруг, уткнувшись мне в грудь своей большой и тяжелой головой. Лежащие рядышком жеребята дружно разинули розовые рты, и капризно засвистели, не желая делить обладательницу мягкого пуха под крыльями с кем-либо еще. Особенно, с большим и страшным, тихонько всхлипывавшим у меня на груди - «Это… Капли гордости из моих глаз… Спасибо! Спасибо тебе, родная! Единственная моя!».
- «Все что угодно – для моего жеребца» - тихонько прошептала я, гладя лохматую голову мужа – «Кстати, пора бы дать им уже имена. Дочурку я собираюсь назвать Берри – ты только погляди на нее, какая ягодка! Да и пахнет, словно какая-то лесная ягода[6]!».
Извлеченная из-под крыла, получившая имя «ягодка» тотчас же разоралась, и, продемонстрировав бойцовский характер, смело описалась на кровать, выразив свой протест против столь наглой эксплуатации и нарушении собственных прав на глубокий, двадцатичетырехчасовой сон, перемежаемый кормежкой. Что ж, похоже, с именем я не прогадала, и в юности, она будет той еще ягодкой…
- «А сына?».
- «А сына – ты назовешь сам» - улыбнулась я, протягивая ему тихонько захныкавший комочек жизни, целый год скрывавшийся как от меня, так и от самых квалифицированных врачей – «Не бойся, положи на нос. Главное, головой не мотай, и он будет держаться сам».
- «Настоящий пегас!» - вновь надломившимся от эмоций голосом, прохрипел муж, глядя, как на его носу оказывается маленький жеребенок, размером не больше копыта жеребца. Очутившись на чем-то мягком, малыш тотчас же стиснул ножки, и словно настоящая летучая мышь, крепко вцепился в затрепетавшие ноздри отца, лежа на широкой переносице, плавно переходящей в лоб Графита – «Настоящий… Настоящий фестрал! Сынок… Солнышко ты мое…».

[6] Берри (англ. Berry) – ягода, ягодка.

- «Ну так и назови его – Санни[7]» - улыбнулась я столь забавному обороту дел.
- «Точно! Точно!» - вдохновившись, рявкнул муж, оборачиваясь к окну и поднимая морду к потолку, словно совершая какой-то ритуал – «Сим нарекаю тебя Санни, мой сын!».
- «Вот и молодец, милый. А теперь – верни ребятёнка туда, откуда взял, Король Лев ты мой, недоделанный!» - хмыкнула я, на всякий случай, выпростав из кровати крыло, и держа его под подбородком Графита. Кто их знает, этих счастливых папаш – а ну как уронит наследника, со страху аль от радости – «Отдай, говорю! Успеешь еще с сыном натетешкаться. Кстати, проставляться будешь? Где будете гулять?».
- «Эммм… Теперь – в Кафе! Только в Кафе! Но учти – спиртного ни капли не принесу! Тебе моих детей кормить!».
- «Вот так всегда!» - надулась я, вспоминая отличный сидр, который варила семья Эпплов, и попробовать который приезжали пони из множества областей громадной страны – «Что же это, мне теперь еще год ждать нового праздника сидроваров?».
- «Переживешь!» - фыркнул черный тиран, но быстро смягчился, увидев мою дрожащую нижнюю губу – «Эй, я принесу тебе коктейлей. Молочных!».
- «Правда? С малиной?».
- «Правда. С малиной» - ласково потерся об меня носом супруг. Я напряглась, но похоже, счастливый папаша так ничего и не заметил, даже пройдясь губами по моему лбу. Выдохнув, я откинулась на кровать, и вновь начала погружаться в приятную полудрему – «Отдыхай, дорогая. Я побуду снаружи – должен же я похвастаться, в конце концов, или нет?».
- «Конечно же должен, наш преданный Графит» - послышался от двери знакомый голос. Вздрогнув, супруг развернулся, и застыл, преданно глядя на входящих в палату принцесс – «Нам с сестрой кажется, что этот день должен запомниться вам на всю жизнь как один из самых счастливых. Я поздравляю вас с рождением жеребят, мои маленькие подданные – знайте, что этим вы обрадовали и меня, и мою дорогую сестру. Ведь что может быть чудеснее на свете, чем появление на свет новой жизни?».
- «Мы благодарим вас, Ваши Высочества, и склоняемся перед вами…».
- «Ну-ну. Не стоит церемоний» - одними губами улыбнулась Луна, со странным беспокойством рассматривая мои крылья, прикрывавшие близнецов – «В конце концов, та новость, которую МЫ хотели бы вам сообщить, сделает их более ненужными… По крайней мере, в неофициальной обстановке».
«Ага. Это там, где количество приглашенных менее пятидесяти или ста, и нет дипломатов или послов. Ох, Луна-Луна…».
- «Скажем так – просто спросить» - мягко поправила сестру Солнечная Принцесса, плотно прикрывая за собой дверь, тотчас же окутавшуюся золотистым сиянием – «Скраппи, не можем ли мы поговорить с тобой наедине? С разрешения твоего супруга, конечно же».
- «Всегда рад быть полезен, Ваше Высочество!» - браво рявкнул муж, впрочем, осекаясь, когда из-под моих крыльев донесся громкий, раздраженный посвист проснувшихся

[7] Игра слов. По-английски, Sunny (солнышко, солнечный) и Sonny (сынок) звучат практически неотличимо друг от друга.

жеребят – «Простите, Госпожа, но я считаю себя обязанным дерзновенно просить вас умерить свой Глас в присутствии моих жеребят. Готов понести заслуженное…».
- «Ты можешь идти и праздновать, МОЙ дорогой Графит» - дернув ушами, принцесса одарила моего мужа едва заметным кивком – «Отринь все заботы, ибо с этого момента, жизнь супруги твоей и приплода находится в НАШИХ копытах, под НАШИМ покровительством. Празднуй и веселись, а с утра – навести ее тут же, и обещаю, за все твои труды и тревоги, ждет тебя достойная награда, о коей тебе сообщит твоя достойная супружница».
- «Рад служить вам, Госпожа!» - осчастливленный свалившимися на него новостями, окрыленный папаша, с грохотом, вышел прямо через закрытую дверь.

- «Ну вот, а ты говоришь – «попросить». Х-ха!».
- «Я предпочитаю более мягкие методы» - дипломатично улыбнулась аликорн, подходя к моей кровати, заставив меня вжаться в мягкий матрац – «Ну-ну-ну, Скраппи. Что случилось? С тобой все хорошо?».
- «Да… То есть, нет… То есть… Прости!» - голова принцессы все приближалась и приближалась, и наконец, я не нашла ничего лучше, чем разреветься, вцепившись в склонившуюся надо мной шею богини – «Прости! Прости меня! Я не знала, что это было! Зачем вы там дрались? Зачем… Зачем я сделала с тобой все это? Прости!».
- «Все хорошо, моя маленькая» - присев рядом со мной, Селестия обняла мое содрогающееся в плаче тело – «Все хорошо. Что сделано – то сделано, и ты принесла большую жертву, пытаясь исправить все то, что было сделано тобой под влиянием… Кого бы то ни было. Я рада, что все обошлось. Верь мне, я тебя не виню».
- «Ведь это нам пристало извиняться пред тобой, моя дорогая…» - прошептал мне на ухо голос Луны – «Мы делили тебя, сцепились так, как не бывало прежде. Лишь ты смогла нас остановить. Прости нас, если сможешь. Я пойму, если ты не захочешь нас больше видеть».
- «Я не… Я не нехочу…» - шмыгая носом, я обняла двух царственных сестер, осторожно вытиравших слезы с моих глаз своими мягкими носами – «Прости меня… Мама…».
- «Моя Скраппи… Мой маленький, пятнистый кентурион».
- «Мне есть за что извиняться» - опустив голову рядом со мной, на подушку, призналась Селестия, глядя своими лавандовыми глазами на обнимающую меня сестру – «Я долго вынашивала этот проект, долго трудилась, пытаясь найти кандидата в принцессы, и даже вырастила его, создав из ничего, взрастив его из пробирки. Но судьба властна и над нами – я поняла и приняла это, и вовсе не сержусь на неудачу. Луна достойна называться твоей матерью больше, чем я – она вырастила, выпестовала тебя, в то время как я… Но поверь, эти дни, когда за мной, по коридорам большого подземного убежища, бегала молодая, искусственно выведенная пегаска, весело стрекоча своими крылышками, были одними из лучших для меня за много сотен лет».
- «Прости, что я тебя подвела».
- «Ты не подвела нас, поверь. Разве ты не помнишь, кем стала?».
- «И кем *не* стала» - нахмурилась я, вновь переживая тот момент, когда отдавала себя всю, до конца, без остатка, преодолевая рвущую позвоночник и голову боль, отдавая все

свои силы лежащей передо мной Селестии – «Но это было нужно, понимаешь? Так было правильно! Я не знаю, что за силы ты мне дала, что это было за заклинание или… Или что-то другое… Я просто понимала, что я не должна была становиться… Становиться той бездушной тварью. Ведь так пала Найтингейл, да? Вот почему ее якобы гоняли по всей стране, целой армией охотясь на ту, что стала новой Найтмер?».
- «Ты видела кости».
- «Да. Но я не видела рога».
- «Я боялась этого» - призналась Луна, целуя меня в макушку, и вновь прижимая к себе – «Твои силы… Да, мне пришлось выйти против новой Найтмер, но, в конце концов, она осознала ошибку. Растратив свои силы на то, чтобы пробить поставленный против нее щит, она выложилась до конца, но в отличие от тебя, не спасая кого-то, но давая жажду своей ярости, своему гневу, и растратив все свои силы, она умерла. Я воздвигла ей склеп, но увы…».
- «Да, он простоял тысячу лет, пока не начал разрушаться. Я поняла, и… И простите меня. Я не хочу идти этой дорогой. Во мне уже есть червоточина, и под влиянием этих сил, она бы росла и росла, пока, наконец, не поглотила бы меня целиком. Представляете, что я могла бы наделать, став… Став такой же, как вы? Обладая знаниями и поддержкой Ядра, я была бы… Я была бы угрозой для всего этого мира. Поэтому я не жалею о том, что рассталась с этой силой. Спасибо, что дали мне возможность вернуться к родным. За то, что дали мне возможность родить и увидеть детей. Спасибо, что вырастили и подобрали меня. Вы – лучшее, что случалось со мной в этой жизни. Единственное, я бы не отказалась узнать – сколько же мне осталось? Пять лет уже прошло…».
- «Никто не знает. Наверное, лишь Рыбка, да и то…» - отвела глаза Селестия, довольно странно взглянув на Луну. Губы моей матери – не приемной, но уже родной – прошлись по моему лбу, нащупывая ту самую, заветную вмятину, скрытую под шерстью – «Ты – первая из этого рода, поэтому ответ даст лишь время, и ты узнаешь его сама».
- «Если что – позаботьтесь о жеребятах, хорошо?».
- «Не беспокойся о них. Мы прибыли сюда именно за этим» - легко согласилась Селестия, в голосе которой мне вдруг послышалось странное напряжение – «Ты ведь уже знаешь о прошедших переговорах?».
- «Да, Блю… Защитник мне рассказал».
- «Очень хорошо. Тогда ты, в общих чертах, представляешь, что именно стоит на кону» - казалось, принцесса пропустила мимо ушей мою оговорку, едва не выдавшую ей ее дражайшего племянничка – «Меньше всего мне хотелось бы, чтобы меня, или Луну, мои маленькие пони считали захватчиком или тираном. Я сознательно пошла на этот шаг, но теперь, я хочу все это изменить. Довольно бесцельных прожигателей жизни. Довольно погрязших в разврате и пороках бездельников – народ должен видеть, что новая принцесса трудится вместе с ними. Для них. Ради них. Я могла бы сказать, что ты была не права, могла бы привести сотню примеров и доводов, но я уважаю твой выбор, каким бы он ни был, и поверь, нисколько на тебя не сержусь».
- «Спасибо. Так значит, Каденза Ми Аморе…».
- «Нет, Скраппи. Кейденс уже принцесса» - покачала головой Селестия, встречаясь глазами с сестрой – «Хорошая или плохая – покажет лишь время. Она знала о том, что

будет первой и знала о возможных последствиях. Я понимаю, что ты недолюбливаешь ее по… По разным причинам. Да-да, Луна, не нужно кривиться, твоя новообретенная дочь с ней даже не встречалась, а вот ты… Она была не столь юна, как Скраппи, когда это случилось, но должна признать, что ей удалось сдержать себя в узде, направив все свои мысли на глупости, вроде украшений, балов, свиданий и розовый цвет. *Много* розового цвета».

- «Она ведет себя словно кобылка, никак не желающая расстаться с детством» - проворчала Принцесса Ночи, неодобрительно фыркая в мою гриву – «И ты права – розовый цвет меня раздражает».

- «Тогда тебе стоило внимательнее присмотреться к тому списку, который Фрайт Ньюзенс вручил нам еще несколько дней назад, и в особенности к пункту «главный стилист и визажист церемонии коронации». Думаю, ты была бы удивлена» - тонко усмехнулась принцесса – «Но оставим все это. Да, Скраппи, я использовала тебя, использовала твое имя. Раскрыв заговор среди членов верхушки партийного аппарата Сталлионграда, ты стала героем дня, и твое торжественное возвращение уверило всех заинтересованных в том, что кандидатура новой принцессы уже выбрана – лично мной, в обход всех и всяческих договоренностей. Пассивным не смог остаться никто – шутка ли, принцесса, у которой под началом служит тысяча пони, и которая уже не раз демонстрировала, что готова обходить пустые формальности и не устраивающие ее законы. На этот раз хватило бы и грубой силы, поэтому все, кто был посвящен в подноготную данного обряда, мгновенно образовали коалицию, и выступили против тебя. А уж когда пришла весть о том, что ты пропала…».

- «Ага. Все расслабили булки, и, расчувствовавшись от такого подарка судьбы, быстренько согласились с твоей *настоящей* кандидатурой» - кивнула я с довольно кислым видом. Конечно, я знала об этом, вполне закономерном итоге, но все равно, было несколько обидно, что кто-то обошел меня на повороте – «И кто же этот счастливчик?».

- «Хммм… Булки? Ах, вот оно что… Да-да, я поняла тебя» - улыбнулась Селестия, не в силах сдержать поднимающиеся к ушам уголки губ – «Подогреваемая неизвестными силами, коалиция за раздел Эквестрии и упразднение института принцесс, существующая уже без малого пять сотен лет, решила было вновь заявить о себе, но обнаруживший подмену Графит смог схватить перевертыша, и эта политическая платформа принялась разваливаться, словно снежный замок, почувствовавший на себе дыхание весны».

- «Еще бы!» - недобро усмехнулась Луна – «Одно дело – выставлять себя эдакими уважаемыми пони, радеющими о благе нашего народа, а другое – отвечать на обвинения в измене родине, сотрудничество с враждебными видами и предательство. Так что кандидатура была принята моментально. Единороги радуются как дети, что им вновь удалось протолкнуть во власть представительницу своего вида, пегасы довольны хотя бы тем, что власть не досталась моей маленькой «недопегаске» и кое-чем другим, а земнопони… Что ж, мы найдем, чем их вознаградить за их терпение. Не так ли, сестра?».

- «Несомненно. Но перед этим, мы хотели посоветоваться с тобой, Скраппи» - кивнув головой, Селестия приблизилась ко мне и ненавязчиво попыталась заглянуть сначала под одно крыло, потом – под другое. Заворчав, я нахмурилась, и даже щелкнула зубами на Солнечную Принцессу, услышав недовольный свист малышей. До странности мерзлявые,

они затихали только тогда, когда зарывались в пух под крыльями своей матери, и я не собиралась позволять никому тревожить моих жеребят. Даже богине. Усмехнувшись, Селестия отстранилась, но я все время ощущала на себе ее внимательный, ощупывающий взгляд – «Скажи, ты, как прошедшая через все это, как ты считаешь – достойна ли Твайлайт Спаркл, твоя подруга и моя лучшая ученица, стать одной из принцесс?».

- «Твайлайт? Ах, Твайлайт…» - я не думала ни минуты. Вся жизнь этой единорожки, словно отраженная в кривом зеркале, до странности походила на мою, и лишь теперь я поняла и оценила размах деятельности принцессы.

Ах, Селестия, умница Селестия! Какие иезуитские планы! Какой расчет! И я еще имела наглость поднять на нее копыто? Лишь повелитель с жизнью в тысячу лет способен дать народу то, что никогда не дадут однодневки-диктаторы или ставленники с пятилетним сроком, за который они должны «отбить» затраты спонсоров на свое избрание. Да будет так. Ведь о таком правителе мечтали когда-то люди, не так ли, дружище?».

- «Я думаю, она будет хорошей принцессой» - подумав, кивнула я, и, ощутив пробравший меня озноб, поудобнее устроилась в постели. Кажется, Древний был не против, и, ощутив его невысказанное опасение, я попросила – «Вот только… Сделайте это без боли, ладно?».

«Ведь первый шаг на пути к бессмертию – это смерть».

- «Все будет хорошо, моя хорошая» - улыбнувшись, Луна зарылась носом в мою гриву, прикрытую веселенькой косынкой, подаренной когда-то Флаттершай. Покачиваясь в синем облачке магии, перед моим носом проплыла большая, черная книга, на обложке которой были изображены четыре стилизованные звезды, летящие в бесконечности космической пустоты, на фоне Млечного Пути – «Видишь? Когда-то ты путешествовала в Камелу, и привезла оттуда вот этот ценный фолиант, который ликтор, по моему указу, украл у злого колдуна. Он нам поможет, ведь это единственный оставшийся дневник Старсвирла Бородатого, написанный им на закате лет. По большей части, это зашифрованные рецепты и счета за съеденное и выпитое в ресторанчиках разных городов, но последние страницы остались пустыми. Думаю, нам больше и не понадобится».

- «Не украл, а доблестно… В общем, «тихо свистнул и ушел – называется «нашел», слышали о таком?» - меня тронула грусть. Быть может, это дождь, что собирали за окнами трудолюбивые пегасы, а может, лишь оттого, что я, с умным видом сидела в постели, с двумя тысячелетними интриганками, пристроившимися по бокам, и беззаботно обсуждала, как именно умрет моя подруга. Легкий, летний ветерок ворвался в палату, разворошил, поднял к потолку занавески, оставив после себя ощущение прохлады и пока лишь запах, ощущение влажной пыли как обещание скорого дождя – «Я все понимаю и иногда, даже жалею об этом. Я лишь прошу – сделайте так, чтобы все было хорошо… Ладно?».

- «Не бойся, моя хорошая. Магия опасна, но у Твайлайт был хороший учитель. С ней все будет хорошо» - улыбнувшись, Луна поднялась, и, обойдя кровать, присоединилась к сестре, мимолетом взглянув на окно – «Не грусти. Все идет своим чередом, и нам

остается лишь следовать извивам пути, по которому ведет нас владычица – судьба. Ну а теперь, быть может, ты покажешь нам своих жеребят? Негоже им спать, когда к ним пришли их бабушки, правда?».
- «Чееееего?!».
- «Да, это правда. Мы хотели устроить тебе сюрприз, но раз уж Луна проговорилась…» - захихикала в копыто Селестия, став вдруг похожей на юную, проказливую кобылку – «Любая победа не обходится без жертв, и чтобы ее вкус был слаще, приходится потрудиться. За то, что знатные и влиятельные пони нашего королевства смогли настоять на том, чтобы принцессой стала Твайлайт, им пришлось смириться с тем, что мы, я и Луна, официально приняли в свою семью двух жеребят, рожденных нашей милой Скраппи Раг, столь жестоко пострадавшей от деяний неизвестных, посягнувших на самые устои государственности, и даже посмевших выкрасть и изувечить будущую принцессу. С поддержкой Клаудсдейла и Нью Пегаса, углядевших такой отличный шанс получить сразу двух проводников своих интересов при дворе, это условие не вызвало ни у кого удивления или резкого неприятия, как опасалась Луна, поэтому, мы прибыли сюда, чтобы, наконец, своими глазами увидеть двух самых юных отпрысков царственного дома. Скажи, покажешь ли ты их нам?».
«Планы внутри планов, а в них – другие планы».
Я улыбнулась. Потом – захихикала. И наконец – захохотала в голос. Откинувшись на подушки, я смеялась и смеялась, видя, как покровительственная улыбка Селестии становится все более напряженной, как удивленно раскрывает прекрасные глаза Луна, удивленная этой странной реакцией… Я смеялась – и плакала внутри.
- «Да будет так!» - крылья распахнулись, и так же широко распахнулись глаза прекрасной богини, когда мои копыта подняли запищавших, засвистевших что-то малышей, являя их принцессам – и миру. Казалось, Селестия окаменела, с непонятным мне выражением разглядывая два сереньких комочка, заходившихся громким писком. Поняв, что их не собираются возвращать в тепло и уют под материнскими крыльями, двойняшки вышли на рабочий режим ора, и вскоре, стекла тихонько зазвенели от оглушающего свиста, издаваемого детскими глотками, в унисон сверлящих ультразвуком мой мозг. Селестия молча разглядывала голосящих малышей, и какое-то новое, непонятное мне чувство все яснее проступало на морде тысячелетней богини, словно старая, застарелая боль вдруг всколыхнула ее память, заставив вспомнить какие-то непонятные, непостижимые для меня вещи. В отличие от своей сестры, Луна не колебалась, и быстро сунулась вперед, подхватывая магией громко свистящих близняшек и прижимая их к своим щекам, словно юная девчонка, впервые получившая в подарок настоящего щенка.
- «Тия! Тиииия! Ты видишь?!» - давление на уши немного уменьшилось, и вскоре, пропало совсем. Прикрыв горластые рты, жеребята лишь тихо хныкали, и если Санни затих быстро, лишь периодически икая и прикрывая глаза от яркого света больничных ламп, то Берри, бойцовская натура, не собиралась идти на компромисс, и нагло обдула прижимавшую ее к себе принцессу, нимало не стесняясь причиненного Высочайшему достоинству урона – «Тия, но как… Спасибо! Ты – лучшая сестра, которую только можно пожелать!».
- «Я рада, что ты счастлива, моя Лу» - тепло улыбнулась принцесса какой-то деревянной

улыбкой. В ее глазах, обращенных ко мне, плескалось недоумение, впрочем, быстро уступившее место ее повседневной маске благожелательного интереса – «Но поверь, я тут совершенно не причем. Думаю, нам стоит благодарить Скраппи и твоего верного стража за этот чудесный подарок».
- «Поздравляю!» - буркнула я, забирая у Луны Берри, оравшую, словно сошедший с ума, игрушечный паровоз – «Кстати, я их выносила и родила. Ну, если вы вдруг забыли».
- «Доченька! Скраппи!» - теперь пришла моя очередь мужественно терпеть этот ураган из ласки и объятий, закруживший меня под аккомпанемент вновь завопивших близнецов – «Но как, как?!».
- «А что, это что-то особенное? Ну, Графит был тогда в форме, была весна, мы были молоды и все такое…».
- «Нет, это тут не причем» - покачала головой Селестия – «Это что-то… Ладно, мы подумаем, что можно с этим сделать».
- «Эй, ты о чем?!» - обернувшись, воскликнули мы в один голос, усаживаясь на кровати и настороженно глядя на Солнечную Принцессу. В ответ, она лишь взмахнула рогом, и комната окуталась ярким, золотистым пузырем магии, отрезая от нас любые звуки.
- «Это должно остаться секретом. Ты понимаешь меня, Лу?».
- «Кажется, теперь понимаю» - сойдя с кровати, Луна нахмурилась, и выражение счастливого удивления на ее морде медленно сменялось озабоченностью – «Скраппи, послушай. Я не знаю, что именно произошло и как, звезды вас побери, вам удалось это совершить, но… В общем, ты родила настоящих, *истинных* фестралов».
- «Эээээ…».
«Этот храм! Древний храм, найденный Графитом! Статуи, пони-сутра, и этот камень в центре!».
- «Гррррраааафффффиииииииит!!!».
- «Тише, он тебя не услышит. Так вот – это должно оставаться в секрете, понимаешь? Представь, что будет, если пони узнают, что Ночной Народ, как когда-то называли это племя, вдруг возвращается, через тысячу лет! Они станут игрушками для разных сил, идолами для сект, ушедших в небытие, врагами для светлых орденов, которые еще сохраняются в разных уголках нашей страны – и пугалом для простого народа. Разве ты хочешь такой вот жизни для малышей?».
- «Поняла» - тряхнув головой, я мгновенно оценила развернувшиеся передо мной перспективы – «Но что же нам делать?».
- «Мы будем думать над этим, а пока – оставайтесь дома. Мы поговорим с персоналом госпиталя, и все устроим» - улыбнулась Селестия, но по ее глазам, я уже видела, что она оценила малышей, просмотрела их возможную жизнь, их будущие способности и включила в свои уравнения, мгновенно заставив меня ощетиниться от накатившего страха и злости – «Не сердись, Скраппи. Ты знаешь теперь, что стоит на кону в этой игре».
- «Но я не хочу, чтобы в игрушки превращались мои дети!».
- «Тогда нам с тобой придется много трудиться, чтобы ни твои, ни чьи либо еще жеребята, никогда не стали игрушками в лапах плохих существ, будь то пони или кто-либо другой» - кивнув головой, доверительно сообщила мне богиня – «Не хмурься, маленькая. Все еще впереди, беды и счастье, радость и грусть, и поверь, я всегда буду любить тебя, моя

маленькая Скраппи. Или ты думаешь, я забыла, кто исцелил мои раны всего сутки назад?».
- «Ага. А перед этим – их нанес» - забрав малышей, я вновь затолкала их под крылья, в теплый, щекочущий пух – «Но ты права. Это мои дети, и я буду биться за них до конца! С кем бы то ни было, слышишь?».
- «Я в этом даже не сомневалась. А теперь, позволь мне немного тебе помочь. Кажется, у меня есть то, что поднимет тебе настроение».

- Погоди, у меня же изъяли эту куртку!» - с удивлением воззрилась я на наброшенный на меня, коричневый френч с парой невзрачных орденов на правой стороне груди – «Я помню, как этот… Как его… Верховный комиссар… Он упаковал ее и очень осторожно унес, даже не притронувшись к ней зубами! Вы что – сперли какую-то реликвию из музея Сталлионграда?!».
- «О нет, как ты могла такое подумать?» - искренне рассмеялась Селестия, наверное, впервые с момента, когда увидела моих малышей – «Мне не пристало красться в ночи, облаченной в шляпу и спортивный костюм. Правда, Луна?». В ответ, младшая принцесса скорчила смешную рожицу, явно не желая продолжать этот разговор.
- «Нет-нет, я не трогала костюма Като «Стил» Пайпа, бережно сберегаемого, как реликвия, в Центральном музее Сталлионграда. Просто так получилось, что я, совершенно случайно, нашла в своем шкафу еще одну его куртку. Думаю, это тебя немного взбодрит. Поверь, он не отказался бы увидеть ее на тебе».
- «Да уж…» - буркнула я, натягивая до подбородка жесткую, пахнущую временем и фруктовым табаком ткань. Подумав, я решила выбросить из головы мысли о том, откуда она взялась в гардеробной принцессы, чья дверь, как я помнила, выходила в ее спальню, и почему она обнаружилась в нем именно сейчас – «Думаю, спрашивать тебя о чем-то бесполезно. Ладно, пусть будет по-вашему, интриганки. И удачи, кстати. Если что – зовите, я буду тут».
Заворчав, где-то глухо пророкотал гром. Поднявшийся ветер всколыхнул ветки деревьев и поднял с земли пыль, завертев ее на дороге миниатюрными пылевыми смерчами, устремившимися куда-то за город, в сторону черневшего за рекой Вечнодикого леса. С потемневшего неба упали первые тяжелые капли, принеся с собой долгожданную прохладу.
- «Конечно, Скраппи» - оглянувшись, Луна мотнула головой, и вновь подбежав к постели, крепко обняла меня, прикоснувшись рогом к заветному местечку на лбу – «Отдыхай, доченька. Отоспись. Сегодня тебя не посмеют тревожить беспокойные сны, а если вдруг станет грустно – просто взгляни на звездное небо, и я тотчас же окажусь рядом с тобой. Мы нашли друг друга, и теперь никто не сможет разлучить нас. Ты веришь мне?».
- «Верю. Спасибо тебе… Мама».
Улыбнувшись, она отступила на шаг, и растворилась в воздухе. Что ж, и у принцесс бывают неотложные дела. Помедлив, Селестия повела вспыхнувшим рогом, и звуки, до того скупо проникавшие в комнату, вдруг хлынули бурным потоком, обрушивая на меня какофонию стука копыт, шума ветра и взволнованных голосов за дверями палат. Оглушенная этим хаосом, я упустила момент, когда Солнечная Принцесса покинула меня,

одарив на прощанье мудрой, всепонимающей улыбкой, оставив после себя лишь голос, тихонько прошептавший мне на ухо – *«Отдыхай. Набирайся сил, мой маленький Легат. И помни – мне всегда удается то, что я задумываю. Всегда».*

- «Да, тут и свихнуться недолго, со всеми этими политическими и королевскими делами» - негромко буркнула я, поудобнее устраиваясь на кровати, и прижимая к себе беспокойно завозившихся близнецов, услышавших сквозь сон звуки грома – «Нет, а все-таки, что делала *его* куртка у нее в гардеробе? Нужно будет узнать!».